

Датская сказка " Пер-сквалыга "

На острове Зеландия, близ озера Арре, жил старый холостяк; звали его Пер, а по прозвищу Сквалыга. Досталась ему в наследство богатая усадьба и куча новехоньких далеров. Но был Пер такой жадный, что далее жениться боялся.

"А ну как попадетс я мне такая жена, что хозяйство вести толком не сможет и все мое имение по ветру пустит!" – думал он.

И еще вбил он себе в голову, что женщины – обедады заправские. День–деньской только и знают, что едят да едят: то тут кусок схватят, то там. Не успеешь оглянуться – проедят все твое добро.

Как подумает про то Пер – в дрожь его кидает!

Ну, а ежели с другой стороны взять, так без помощи ему в усадьбе все равно не обойтись, а чертовых работничков кормить–то тоже надо!

Одололи Пера черные думы, и никто никогда не видел, чтоб богатей веселился. День и ночь выискивал он, как бы ему прожить подешевле да тратить поменьше.

Был Пер уже в летах, и ломота в костях докучать ему стала. А присматривать за ним некому. И еще стал Пер к старости поболтать охотник, а словом перемолвиться ему тоже не с кем. Вот и пришло Перу на ум, что не худо бы, может, и жениться. Пускай жена за всем в хозяйстве приглядывает и его, Пера, старость покоит. Только жену надо сыскать такую, чтоб была не обжориста, ела б поменьше, а работала б побольше. Иначе и расчета нет жену брать, очень уж накладно выйдет.

Прослышал один бедняк хусман, что Пер жениться надумал. А была у того хусмана дочка по имени Грете. Вот и стал бедняк дочку уламывать, чтоб замуж за Пера шла да помогла б своим из нужды выбиться. Заупрямилась, было, Грете поначалу. Да и то сказать: ведь старик не бог весть что за находка для молодой пригожей девушки!

А потом подумала Грете про братьев и сестер: "Вечно они голодные сидят! А уж обновки–то и в глаза не видят! Пойду–ка я за Пера. Пускай хоть моим хорошо будет".

Только надо было, чтоб Пер поверил, будто Грете мало ест. Вот и уговорились Грете с отцом, что богачу сказать.

А как дальше было – сейчас узнаете.

Однажды утром проходил Пер–сквалыга мимо хусмано–вой лачуги и глядит – у обочины Грете гусей пасет. Пасет она гусей и чулок на ходу вяжет, а сама все приговаривает:

– Гуси, милые, вперед! Пасет вас та, что не ест, не пьет!

Заслышал те слова Пер–сквалыга, да так и обмер. Стоит, подслеповатыми глазами моргает и ушам своим не верит. А Грете знай себе повторяет:

– Гуси, милые, вперед! Пасет вас та, что не ест, не пьет!

– Кто это не ест, не пьет? – спрашивает Пер.

– Да я! – отвечает Грете.

– Слыханное ли дело! Как это ты можешь – не есть, не пить?!

– Дома–то семь голодных ртов, а еды только на шестерых хватает. Вот я и привыкла почти что вовсе без еды обходиться.

– Чем же ты тогда живешь?

– А воздухом! Просверлил отец дырки в столбе, что посреди горницы стоит, вот я и сосу из них воздух. Видно, и воздухом можно жить!

– И не такая уж ты тощая! – сказал Пер.

Откашлялся он и говорит:

– Может, ты слыхала, я жениться надумал. Только нужна мне жена такая, чтоб за всем приглядывала. Девушка ты пригожая и мне по сердцу прилась. Скажи, хочешь стать в усадьбе хозяйкой?

– Отчего ж не стать! – ответила Грете.

Сыграли они свадьбу, и переехала Грете к богатее в усадьбу. Поставил Пер–сквалыга столб посреди горницы, повертел в нем дырки, чтоб Грете могла из них воздух сосать и тем воздухом питаться.

Прошло немного времени, и однажды говорит Пер своему работнику Нильсу:

– Сдается мне, будто жена моя раздобрела! Уж не подкармливается ли она случаем в поварне? Как бы мне про это разузнать?

– Вот что, хозяин, – отвечает Нильс. – Подсажу–ка я тебя в дымовую трубу, а ты оттуда в поварню подглядывай, не ест ли Грете там чего?

– Ловко придумано! – обрадовался Пер. – Давай подсаживай!

Подсадил Нильс хозяина в дымовую трубу, уселся там Пер на доске; сидит, будто в люльке.

А тем временем пошел Нильс к хозяйке и говорит:

– Берегись, не ешь ничего в поварне, хозяин в дымовой трубе сидит!

– Ладно! – сказала Грете.

Знала Грете и раньше, что Пер – сквалыга. Только хотелось ей своим помочь. Потому и пошла за него. А как насмотрелась, что богатей людей своих голодом морит, надумала проучить этого толстосума. Работники да служанки в усадьбе все на ее стороне были. Если б не Грете, вовсе бы они с голоду померли. Она их всех тайком подкармливала.

Вот позвала Грете служанок и велит:

– Нанесите сырых дров да зеленых сучьев и подложите их в очаг!

От такого топлива, ясное дело, больше дыму да копоти, чем тепла!

А как смекнул Нильс, что хозяин уж довольно в трубе подкопился, забрался он на крышу к самому коньку и вытащил Пера на свет божий. Смахивал теперь Пер–сквалыга на копченую баранью ногу; и слова вымолвить не мог, не то чтоб лаяться. Пришлось Перу тут же в постель улечься.

– Ну как, ела она что в поварне? – спросил Нильс хозяина.

– Нет, там она ничего не ела, – ответил Пер–сквалыга.

Прошло какое–то время, и опять Пер говорит:

– Сдается мне, Нильс, что Грете еще ядренее стала. Щеки у нее круглые, да и сама она – бочка бочкой, такая дородная да гладкая. Уж не подкармливается ли она чем? Как бы мне про это разузнать?

– Вот что, – говорит Нильс, – может статься, она наверху в клетки разными кушаньями лакомится. Давай распорем большую перину, что в клетки лежит, запихну я тебя туда и снова зашью. А ты дырку в перине проткни и подглядывай. Так и узнаешь, не подкармливается ли хозяйка чем в клетки.

– Ловко придумано! – обрадовался Пер. – Давай распорем!

Зашил работник хозяина в большую перину, а сам пошел к Грете и говорит:

– Не вздумай ничего наверху, в клетки, есть, там хозяин в перине зашит.

– Ладно! – сказала Грете.

Позвала она служанок и велит:

– Выволоките–ка постели из клетки на солнышко да вы колотите их хорошенько! А то они давно не проветривались. Лежат там и плесенью покрываются.

Служанки – не будь дуры – тут же смекнули, что к чему. Хохочут, заливаются, а сами постели вниз волокут. А большую перину, хоть она и тяжелая, тоже во двор выволокли. Колотят ее служанки, колотят, что есть сил, а сами песни веселые распевают. Выколотили служанки постели, а потом их опять наверх втащили.

Вызволил Нильс Пера–сквалыгу из перины, а на нем живого места нет: не может ни идти, ни ползком ползти.

– Ну как, ела она что в клетки? – спрашивает Нильс.

– Нет, там она ничего не ела, – стонет Пер.

Пришлось ему опять в постель лечь, и прохворал он целую неделю. Ходит за ним Грете хорошенько, а сама ему выговаривает:

– Послушался б меня, Пер, ел бы, как я ем, вот и был бы здоровехонек.

Прошло немного времени, а как оправился Пер после колотушек, что ему задали, призвал он снова Нильса и говорит:

– Сдается мне, что хозяйка твоя все ж таки чем–то подкармливается. Щеки у нее такие круглые, того и гляди, лопнут. Одним воздухом такого жиру не нагуляешь. Как бы все в точности разузнать?

– Да, задал ты задачу, – говорит Нильс–Коли она ни в поварне, ни в клетки не кормится и никто никогда не видал, чтоб она ела, ума не приложу, где она прячется. А может, она в погребе подкармливается? Знаешь что, стоит там старая пивная кадка, вот ты и залезай туда и сквозь дырочку, куда втулку вставляют, подглядывай. Так и разузнаешь, не прячется ли она в погребе, не подкармливается ли там.

– Ловко придумано! – говорит Пер.

Залез он в кадку. Нильс накрыл его крышкой, а сам пошел к Грете и говорит:

– Не вздумай ничего в погребе есть, там в пивной кадке хозяин сидит, сквозь дырочку подглядывает.

– Ладно! – сказала Грете.

Позвала она служанок и велит:

– Подогрейте–ка воды да принесите щелоку! Старая пивная кадка в погребе смердит так, что дух захватывает.

Вылейте воду со щелоком в кадку сквозь дырочку, пускай стоит кадка да отмокает, покуда чистой не станет.

Расхохотались служанки и живо взялись за дело. Налили они в кадку воды и ушли из погреба. Снял тут Нильс крышку с кадки и спас Пера–сквалыгу от смерти. А то он чуть было не захлебнулся.

Однако обварили все же хозяина служанки. Пришлось его в постель укладывать, мазями целебными смазывать да тряпками перевязывать. Прохворал Пер ровно месяц.

А Грете ходит за ним да приговаривает:

– Не впрок тебе эти поездки – всякий раз хворым домой возвращаешься.

Как соберется, бывало, Пер за женой подглядывать, он и врет ей, что в дальнюю поездку уезжает.

Покуда Пер хворал, у Нильса дома последняя скотина пала. А у Пера стояли в хлеву два жирных вола. Вот и говорит Грете Нильсу:

– Слышь–ка, Нильс, служил ты мне верно; бери этих волов, ступай с ними на ярмарку во Фредериксборг да продай их, а деньги себе оставь или старикам родителям отдай. Очень уж вы обнищали!

Нильс так и сделал.

А Пер–сквалыга стал меж тем во двор выходить. Хоть и больно ему было, а все же ходит по двору, на палку опирается да глядит, как служанки по хозяйству управляют. Зашел он как–то в хлев и хватился тех жирных волов. Заковылял он из последних сил в поварню. А там у огня сидит Грете да присматривает, как бы вода из котла не выкипела.

– Где волю? – спрашивает Пер.

– Я их съела, – отвечает Грете.

– Как это съела, – говорит Пер. – Ты в своем уме?!

– А меня к еде потянуло, – глазом не моргнув, говорит Грете. – Брюхо своего требует. Раньше я себя сдерживала да воздухом кормилась. Но все до поры, до времени!

– Волы мои, волю, – захныкал Пер, – где мои волю? Их можно было продать.

– Я их съела, – опять отвечает Грете, – с рогами и с копытами. Трудненько, правда, было их глотать, но все ж проехало. Беда только, что я не досыта наелась. Правда, осталось у нас еще одиннадцать поросят да двадцать три овцы. Коли не засадишь служанок овец стричь, чтоб шерсть мне горло не щекотала, я их со шкурой съем.

Как услышал Пер такие речи, потерял он разум да как грохнется оземь. Пришлось его в постель тащить и лекаря к нему звать, но средства от его хвори не нашлось.

Пришел тут конец Перу–сквалыге, похоронили его, и положила Грете тяжелую плиту на его могилу. А что денег на эту плиту пошло! Ох, и разлился бы Пер до смерти, будь он жив!

Вышла Грете замуж за Нильса, и живут–поживают они до сих пор в радости и веселье.